

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1.316

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПОРЯДОК СОЦИУМА: ПЛАТОНО-АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Артемов Владимир Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vladimir-artemov@list.ru

В статье рассматриваются проблемы институционального человека как представителя сообщества в философском наследии Платона и Аристотеля. Отмечено доминирующее влияние культуры и образования на сущность обладателя моральных и интеллектуальных свойств. Особое внимание уделяется раскрытию качества институционального человека и его функциональной согласованности с порядком социума. Высвечивая специфические особенности и свойства этого человека в области культуры миропонимания, статья раскрывает его функциональное соответствие существующему порядку социума. Связь ряда положений платоно-аристотелевской традиции с задачами современной демократии позволяет сделать вывод: формирование философской концепции институционального человека будет способствовать выявлению устойчивости институциональных форм и порядка социума.

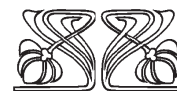
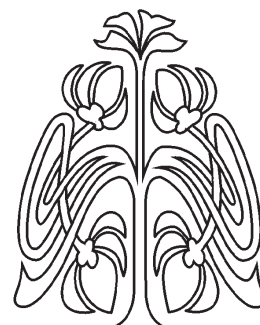
Ключевые слова: платоно-аристотелевская традиция, государство, демократия, институциональный человек, идеология, культура, порядок, социум, средний класс, философская концепция.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-5-9

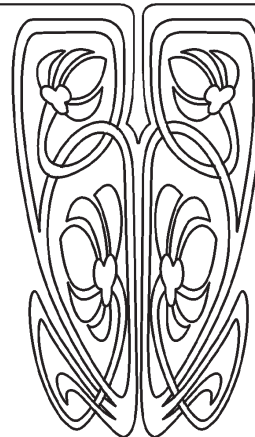
Философская концепция институционального человека даёт возможность предметно объяснить устойчивость сложившейся совокупности правовых норм, регулирующих формы и порядок социума. Посредством использования законов диалектики вскрывается смысл социального как человеческого (честности, порядочности, справедливости, гуманности) в обществе. На базе платоно-аристотелевской традиции можно смоделировать организацию социума, сопоставив её с вариативностью задач современной демократии.

Анализ институциональной системы «человек – государство – общество» возникает одновременно с появлением первых государственных образований. Эта проблематика обстоятельно рассматривается в трудах Платона и Аристотеля, поэтому концептуальные понятия «институциональный человек» и «порядок общества», несмотря на свою научную новизну, имеют исторические корни.

Платон и Аристотель приходят к пониманию того, что в структуризации общества центральное место занимает обладатель разума, природа которого наиболее полно отражает культуру миропонимания. Оба философа, высвечивая специфические свойства человека, показывают их соответствие/несоответствие сущему порядку социума, намечают пути изменения качества второго состояния в лучшую сторону. Своевременное обнаружение субъектами

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

правлящих режимов рассогласования системы «человек – государство – общество» приводит к поиску продуктивных оснований должной организации людей и ограждает от совершения ошибок в будущем.

Анализ созидательных качеств человека, проведённый Платоном и Аристотелем при раскрытии категорий справедливости как одной из форм добродетели, позволяет утверждать, что обладатель разума представлялся ими как микрокосмос и трансцендентная сущность. Понимание Аристотелем государства как продолжения семьи и общества позволило ему высказать мысль о его предназначении, а затем развить её. Античный мыслитель полагал, что оно создаётся «преимущественно для того, чтобы жить счастливо» [1, с. 460]. Такой подход актуален, так как идея создания комфортных условий бытия для подавляющего большинства людей всё ещё не реализована на практике: многотысячные миграционные потоки из стран Африки и Западной Азии в Европу это подтверждают.

Смысловое значение организованного носителя разума в качестве представителя социальной справедливости раскрывается Платоном в работе «Государство» [2]. Поскольку выводы, сделанные им, опираются на онтологические, гносеологические, аксиологические и праксиологические основания порядка социума, постольку они оказываются существенными и для становления современной концепции институционального человека, но для её углубленного восприятия необходимо признание точки зрения А. А. Кокорина о том, что универсальной платформой междисциплинарных исследований природы социального бытия людей может быть философская методология, которая играет роль общенаучного алгоритма познания [3, с. 199].

Пристальное внимание к процессам дифференциации общества, согласно А. П. Бутенко, позволило Платону осознать возникновение частной собственности в качестве результата жизнедеятельности становящегося разумного человека [4, с. 16]. Античный философ, изучая политические изменения в устройстве государства того времени, воспринял знаковые формы правления (тимократию, олигархию, демократию, тиранию) как порядок социума и подробно рассмотрел «принадлежащего» им человека. Такой подход, с нашей точки зрения, необходим, так как важно знать не только признаки, характеризующие суть конкретного властвования, но и принципы, выработанные для организации его функционирования.

Выявление взаимообусловленности социальной организации общества и присутствующего

в нём человека Платон начинает с такой формы правления, как тимократия. Он считает, что государственный строй, базирующийся на честолюбии, есть «нечто среднее между аристократией и олигархией» [2, с. 331]. Платон показывает человека, склонного подчинять себе других, который ещё «ценит образованность и охотно слушает других, сам, однако, нисколько не владеет словом <...> считает, что основанием власти должно быть <...> всё военное» [2, с. 333]. В связи с этим мыслитель прослеживает взаимозависимость силового порядка социума и «сопутствующего» ему человека, облечённого полномочиями повелевать.

Платон подвергает критическому анализу и олигархическую организацию государства, подразумевая под ней «строй, основывающийся на имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении» [2, с. 335], обращая внимание на то, что при политико-экономическом господстве небольшой группы лиц разрушается смысл социума как целого и снижается уровень его жизнеспособности. Платон характеризует специфического представителя, адекватного данному режиму правления. По его мнению, кроме «богатства и богачей, ничто не будет вызывать у него восторга и почитания <...> это пример извращения того человека, который относится к строю, предшествовавшему олигархии» [2, с. 339]. Следует заметить, что подобная культурная ограниченность ведёт к «процветанию» форм организации людей лишь в интересах узкого круга стяжателей, поэтому порядок социума способствует установлению стереотипа мышления, отличающегося нелогичностью социально-политической, правовой, экономической и иной институциональности.

Платон, отстаивая точку зрения, что демократия «самый лучший государственный строй <...> испещрённый разнообразными нравами <...> ведь вследствие возможности делать что хочешь, он заключает в себе все роды государственных устройств», освещает проблемы культуры и образования представителя народовластия [2, с. 344]. Характеризуя демократического человека, который «разнообразен, многолик, прекрасен и пёстр как его государство» [2, с. 349], он приходит к мысли: носитель разума данного строя сам разрушает смысл власти народа. Платон настаивает и на том, что при демократии, когда свобода становится синонимом вседозволенности, граничащей с безрассудством, начинается порча нравов, развивается наглость, происходит деградация личности, толпа уступает свои права и полномочия тирану.

Древнегреческий мыслитель подчёркивал, что государство демоса «опьяняется» свободой: «Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих рабов, зато правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и общественном обиходе» [2, с. 350]. Свобода становится несвободой, формируется тирания с соответствующим типом человека. По мнению Платона, «тиранический» человек – это трагический человек, человек послушной толпы. Народ «из подчинения свободным людям попадает в услужение деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство – рабство у рабов» [5, с. 359].

Применяя эмпирический, теоретический и нормативный подходы к предмету исследования, Аристотель вслед за Платоном усовершенствовал ряд категорий, которыми должна оперировать социально-политическая мысль. Древнегреческий философ, отстаивая естественные свойства государства, показывает источник цельности человека. Он не без основания утверждает, что «государство существует по природе и <...> предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому» [1, с. 379].

Аристотель подчёркивает, что государственным благом «является справедливость», т.е. то, что служит общей пользе [1, с. 467]. Он затрагивает вопросы порядка обладания и распоряжения имуществом, определённые законами, которые совмещают «в себе хорошие стороны <...> общей собственности и собственности частной» [1, с. 410]. Философ поясняет, что государственные устройства, имеющие в виду взаимную пользу, «являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонение от правильных» [2, с. 456]. Анализируя существующие и моделируя идеальные формы правления, Платон и Аристотель, по существу, анализируют социальное и жизненное пространства, структурированные разными смыслами: «Таким образом, и гражданин должен быть тем или иным в зависимости от того или иного вида государственного устройства» [2, с. 446]. Подобное позволяет представлять институционального человека и порядок социума в качестве взаимообусловленных категорий.

В данном случае и Платон, и Аристотель показывают в природном государстве социально-

политическую однородность общества, которая с психологической точки зрения ассоциируется с понятием «Мы». В природном государстве государство и гражданское общество имеют одно и то же значение – смысл семьи. По мнению Аристотеля, человек, «нашедший своё завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего <...> Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилем справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [1, с. 379–380]. В современных условиях такая точка зрения актуальна, поскольку субъективные силы, утратившие способность к обмену информацией в интересах государства, перестают быть продуктивными «вершителями» судеб людей. Как следствие, согласно С. А. Вершилову, «они поддаются искусству соблазна “примерить” чуждую привлекательность на национальную почву» [5, с. 103].

В обстановке, когда государство поддерживает деление на «мы» и «они», функциональная организация общества начинает регламентироваться социально-классовой структурой, постепенно утрачивающей объективные смыслы как первого образования (государства), так и второго (общества). Наступает момент «размытости» векторного единства их задач. И тогда люди становятся винтиками политической машины. Это приводит к разрывам в материальном обеспечении народа и его «слуг», ужесточается экономическая эксплуатация, возникает социальное отчуждение.

Отражение древнегреческими мыслителями коммуникативного человека сквозь призму необходимой и достаточной меры его функциональной приверженности порядку социума открывает возможность отражения специфики развития демократии в XXI в., т.е. прослеживается связь человеческой общности с культурой, свободой и властью. Рассмотрение государства не только в качестве политического института, но и социального образования, пронизанного обменом информацией, приводит к промежуточному умозаключению: «владелец» мышления, интересы которого приведены в соответствие с продуктивным порядком общества, является институциональным, «рационально-ценностным» [6, с. 6] субъектом, включающим амбивалентность порядочного и ценностного человека.

Решение насущных социально-политических задач развития общества актуализирует конкретизацию принципов «природного государства» посредством модели демократии, в контексте которой равенство и свобода явля-

ются необходимым и достаточным условием её становления. Рассмотрение народовластия как многогранного, исторически обусловленного и сложного явления приводит к пониманию, что «народ» в нём выражает социальное равенство, а «власть» – волю, силу свободы. Комплекс гражданских институтов и институций, форм организации людей и способов их взаимодействия составляют суть демократии. При этом следует иметь в виду, что каждой исторической эпохе присущ определенный институциональный человек, обладающий специфическим внутренним миром в определенных условиях среды, где происходит «созревание» порядка социума.

В настоящее время глобализация мирохозяйственных отношений, урбанизационное устройство формируют новые реалии политического и социального развития. Рост городского населения и расширение демократических свобод изменяют структуру общества: происходит объективный процесс становления среднего класса как доминирующей силы в государстве. Существует тенденция сближения и интеграции политических идеологий, хотя подобное происходит не всегда, не везде и не во всём. Двойные стандарты «просвещённого лидерства», применяемые США и рядом стран Запада относительно других государств, препятствуют эффективной коммуникации, направленной на разрешение сложных проблем современности, в том числе и установление необходимого порядка социума.

Не прекращаются случаи возбуждения уголовных дел против высокопоставленных чиновников внутри страны, в ряде субъектов РФ преступность становится де-факто неотъемлемой частью их образования, экономики, социальной жизни и реализации власти, что не способствует её развитию [7, с. 168]. Всё это препятствует эффективной коммуникации, направленной на разрешение сложных современных проблем, в том числе и по установлению необходимого порядка социума.

Социальное равенство общностей складывается под воздействием культурно-образовательной системы, которая, выделяя и структурируя общественное пространство, устанавливает в нём функциональную дифференциацию людей, что подтверждает В. Б. Устьянцев: «Всякий общественный порядок, в том числе и политический, имеет смысл в обращённости к сознанию человека» [8, с. 122]. Эта оценка является логическим продолжением мысли Платона о том, что «в совершенном государстве должна быть осуществлена справедливость <...> справедливый человек не будет отличаться от справедливого государства по самой идее своей справедливо-

сти» [2, с. 207], поэтому признание человеком права власти управлять и выражение им согласия подчиняться ей становятся его внутренней потребностью для воспроизводства должного, когда утверждается продуктивный порядок социума. Таким образом, решение актуальных задач демократии предполагает дальнейшую разработку концепции институционального человека и порядка социума.

В современных условиях синонимом древнегреческого «демоса» выступает средний класс. Являясь опорой народовластия, он предполагает становление новой демократии и надклассовой идеологии. Рабочую формулу современной системы идей, способствующей формированию концепции институционального человека и порядка социума, выражающей интересы субъектов частной собственности и проясняющей положение имущества, находящегося во владении общества, можно представить как: либерализм + консерватизм = социал-демократия. Опираясь на созданную совокупность правовых и социальных норм, регулирующих поступки носителей властных полномочий, она обеспечит их практические действия в духе законов, что будет отвечать совместным чаяниям человека, элиты и общества в целом. Кроме того, этот формат, приведённый в согласие с насущными задачами времени, создаст режим наилучшего благоприятствования для эволюционного развития социума не только в нашей стране.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4. 828 с.
2. *Платон*. Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3. 655 с.
3. *Кокорин А. А.* Философский алгоритм познания : содержание и практические возможности. М., 2014. 324 с.
4. *Бутенко А. П.* Власть народа посредством самого народа. М., 1988. 208 с.
5. *Вершилов С. А.* Этика мировых субъектов как риски порядкам локальных государств (социально-философский анализ) // Социальное поведение личности : оценки и стратегии. Ульяновск, 2016. С. 99–108.
6. *Артёмов В. Н.* Типологические интерпретации и противоречия функционирования институционального человека // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 5–9.
7. *Вершилов С. А.* Военная безопасность государства (социально-философский анализ). Ульяновск, 2015. 290 с.
8. *Устьянцев В. Б.* Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2012. 208 с.

Образец для цитирования:

Артемов В. Н. Институциональный человек и порядок социума: платоно-аристотелевская традиция и современная демократия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–9. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-5-9.

**The Institutional Person and the Order of Society:
Plato-Aristotle's Tradition and Modern Democracy**

V. N. Artyomov

Balashov Institute (branch) of Saratov State University
29, Karl Marx str., 412300, Balashov, Saratov region, Russia
E-mail: vladimir-artemov@list.ru

The paper is devoted to considering the philosophical heritage of Plato and Aristotle touching upon the problems of the institutional person as a representative of the community of people. The dominating influence of culture and the education of society on the essence of the established owner of moral and intellectual properties is fixed. Special attention is also paid to disclosing the quality of its functional coordination with the habit of society regarding the concrete ruling regime. Highlighting the specific peculiarities and properties of this person in the field of the culture of world understanding, the paper discloses his functional correspondence to the existing order of society. The association of a number of the statements of the Plato-Aristotle tradition with the tasks of modern democracy allows the author to make the conclusion: forming the philosophical conception of the institutional person will promote the exposure of the stability of institutional forms and the order of society.

Key words: Plato-Aristotle's tradition, state, democracy, institutional person, ideology, culture, order, society, middle class, philosophical conception.

References

1. Аристотέλης. Αθηναίων Πολιτεία Τασόπουλος Θεόδωρος. Αθήνα, Γεωργιάδης, 2004. 171 σ. (Russ. ed.: Aristotel. *Soch.*: v 4 t. Moscow, 1983. T. 4. 828 p.).
2. Πλάτων. Πολιτεία Ν. Μ. Σκουτερόπουλος. Αθήνα: Πόλις, 2009. 934 σ. (Russ. ed.: Plato. *Soch.*: v 4 t. Moscow, 1994. T. 3. 655 p.).
3. Kokorin A. A. *Filosofskiy algoritm poznaniya: sodержanie i prakticheskie vozmozhnosti* (A philosophical algorithm of cognition: contents and practical possibilities). Moscow, 2014. 324 p.
4. Butenko A. P. *Vlast naroda posredstvom samogo naroda* (The power of people through people itself). Moscow, 1988. 208 p.
5. Vershilov S. A. *Etika mirovyh subektov kak riski poryadkam lokalnyh gosudarstv (sotsialno-filosofskiy analiz)* (The ethics of the world's subjects as risks to the orders of local states {a social and philosophical analysis}). *Sotsialnoe povedenie lichnosti: otsenki i strategii* (Social behavior of the individual: assessment and strategy). Ulyanovsk, 2016, pp. 99–108.
6. Artyomov V. N. *Tipologicheskie interpretatsii i protivorechiya funktsionirovaniya institutsionalnogo cheloveka* (The typological interpretations and contradictions of functioning the institutional person). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 5–9.
7. Vershilov S. A. *Voennaya bezopasnost gosudarstva (sotsialno-filosofskiy analiz)* (The military security of a state {a social and philosophical analysis}). Ulyanovsk, 2015. 290 p.
8. Ustyantsev V. B. *Chelovek, zhiznennoe prostranstvo, riski* (Man, living space, risks). Saratov, 2012. 208 p.

Cite this article as:

Artyomov V. N. The Institutional Person and the Order of Society: Plato-Aristotle's Tradition and Modern Democracy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–9. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-5-9.